

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/84/10

Стихотворная книга Юрия Галича «Орхидея»: экзотическое и традиционное

Елена Юрьевна Куликова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Аннотация

Рассмотрен стихотворный сборник Юрия Галича (Георгия Гончаренко) «Орхидея», изданный во Владивостоке в 1921 г. и переизданный в Риге в 1927 и 1928 гг., проанализирована мотивная структура книги стихов, подчеркнута близость лирики Галича с творчеством Н. Гумилева, К. Бальмонта, отмечены переключки с «экзотической» прозой И. Бунина (новелла «Братья»), с «Цветами зла» Бодлера и др. Тропические и морские мотивы у Галича восходят к Африке и лирике путешествий Гумилева, однако и Восточная Азия становится предметом описания в «Орхидее». Контаминация с эго-футуризмом и приемами Бальмонта, с одной стороны, подчеркнула тягу Галича к раннему Гумилеву, активно использовавшему «красивости» и излишнюю вычурность лексики, с другой – выявила иронический оттенок, под которым подавались чрезмерно «экзотические» стихи.

Ключевые слова

экзотизм, Юрий Галич, тропические мотивы, Восток, Япония, ориентализм

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Искренне благодарю И. Е. Лощилова за предоставленную мне из архива ГИАОО копию автографа повести Антона Сорокина «[Цирковые] антре шута Бенцео».

Для цитирования

Куликова Е. Ю. Стихотворная книга Юрия Галича «Орхидея»: экзотическое и традиционное // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 138–155. DOI 10.17223/18137083/84/10

© Куликова Е. Ю., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 138–155

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 138–155

The poetry book “Orchid” by Yuri Galich: exotic and traditional

Elena Yu. Kulikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

kulis@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0695-7447>

Abstract

The paper considers the poetry collection “Orchid” by Yuri Galich (Georgy Goncharenko), published in Vladivostok in 1921 and republished in Riga in 1927 and 1928. The motive structure of the collection is analyzed, with an emphasis on the proximity of Galich’s lyrics to the works of N. Gumilev and K. Balmont and references to the “exotic” prose of I. Bunin (the short story “Brothers”), Baudelaire’s “Flowers of Evil” and others. Maritime motifs are regarded to be related to Galich’s emigrant perception of the world, romantically in love with Gumilev but longing for his lost homeland and unable to engage entirely in the happiness of wanderings. Attention is paid to the images of the Flying Dutchman and Odysseus. Africa and the travel lyrics of Gumilev prove to be the source of tropical and maritime motifs in Galich’s poetry. East Asia is also described (the poems “Ilang-Ilali,” “Kiku-San,” and “Night in Singapore”). The poem “The Sun of the East,” comprising eight parts in the 1921 edition, can be considered an ode to Japan. In terms of structure, without using the odic stanza, the poet tightens the division of the text by connecting two quatrains, thus emphasizing the solemnity of the intonation. Influenced by the symbolists, acmeists, and ego-futurist (Severyanin), the poems of Galich have a literary character. Contamination with ego-futurism and Balmont’s techniques highlights Galich’s attraction to the early Gumilev, who actively used “beauties” and excessive pretentiousness of vocabulary, and reveals the ironic connotation behind the excessively “exotic” poems.

Keywords

exoticism, Yuri Galich, tropical motives, East, Japan, orientalism

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East in the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

I want to express my sincere gratitude to Igor Evgenyevich Loshchilov for providing me with a copy of the autograph of Anton Sorokin’s novel “[Circus] Entrepreneurs of Jester Benetso” from the GIAOO Archive.

For citation

Kulikova E. Yu. The poetry book “Orchid” by Yuri Galich: exotic and traditional. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 138–155. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/10

Среди поэтов Серебряного века, вошедших в литературу Русского Востока (Харбин, Шанхай, Дальний Восток), нельзя не отметить фигуру Георгия (Юрия) Ивановича Гончаренко (1877–1940), военачальника Российской империи, генерал-майора Генштаба, журналиста, публициста, поэта и прозаика, взявшего литературный псевдоним Юрий Галич. Гончаренко родился в Варшаве, был потомственным дворянином Полтавской губернии, с отличием окончил Полоцкий кадетский корпус.

Судьба генерала-поэта Гончаренко была трагична. В 1895 г. он поступил на военную службу юнкером Николаевского кавалерийского училища, изучал полевое саперное дело. С августа 1897 г. стал корнетом гвардии. В 1900 г. его зачис-

лили в Николаевскую академию Генерального Штаба. Служил поручиком, штабс-ротмистром гвардии, окончил Николаевскую академию Генерального Штаба (по 1-му разряду). Был старшим адъютантом штаба 18-й пехотной дивизии. Исполнял должность столоначальника Главного Штаба и Главного управления Генерального Штаба, помощника делопроизводителя Управления генерал-квартирмейстера Генштаба, обер-офицера для поручений при штабе Виленского военного округа, старшего адъютанта штаба 3-й кавалерийской дивизии (Ковно).

В 1907 г. издал первый поэтический сборник «Вечерние огни».

«В 1911 году он получает назначение в Ригу на должность начальника штаба Усть-Двинской крепости. С 1914 года Галич принимал участие в Первой мировой войне; армия, в рядах которой он воевал, заняла города Галич и Львов. За годы службы в царской армии Юрий Иванович был офицером Генерального штаба, начальником штаба кавалерийского дивизиона, корпуса и командиром драгунского полка» [Кириллова, 2010, с. 192].

В 1916 г. Гончаренко отличился, командуя полком в бою у д. Дубовые Корчмы, за что впоследствии был награжден Георгиевским оружием. 27 декабря 1918 г. был уволен от службы по болезни, хотя у «красных» фактически не служил. После подписания Брестского мира оставил Советскую Россию и перебрался в оккупированную немцами Украину. Служил в Киеве, в армии Украинской державы, в чине генерал-хорунжего, при штабе гетмана Павла Скоропадского. В январе 1919 г., после ликвидации Гетманата и восстановления Украинской народной республики, был арестован петлюровцами, посажен в тюрьму, однако через несколько дней бежал и добрался до Одессы, оккупированной войсками Антанты. В начале апреля 1919 г., в ходе эвакуации интервентов из Одессы, был эвакуирован в Константинополь на французском пароходе «Caucasus».

В 1920 г. прибыл из Константинополя во Владивосток, где занимался литературной деятельностью: работал журналистом, печатался в местных журналах. В течение трех лет публиковался на страницах газет и журналов. В 1921 г. выходит его книга рассказов «Красные хороводы» и сборник стихов «Орхидея» («Тропические рифмы»). «В прозе Галич активно разрабатывает военную тематику, что подтверждает эюд “Брусилев”. Это автобиографические воспоминания писателя о своем командире и известном полководце, военном деятеле Алексее Брусилеве, рассуждения о методике преподавания военного искусства в кавалерийских школах. Можно предположить, почему Ю. Гончаренко взял псевдоним “Галич”. Будучи офицером, поклонником Брусилова, отдавая должное ему как талантливому полководцу и военному новатору, поэт взял этот псевдоним, потому что, как он сам пишет, “удар на Галич явился ‘первым лавровым листом в венке побед’ Брусилова”» [Кириллова, 2007, с. 79].

После установления в Приморье советской власти генерал Гончаренко вынужден был покинуть Россию. Эмигрировав через Китай в Европу, в 1927 г. он обосновался в Латвии, где и продолжил литературную деятельность. «Прибыл он туда на корабле “Регина”, который девять лет назад, в 1914 году, он, полковник Генерального штаба, задержал, когда судно, пытавшееся сняться с якоря, хотело уйти в Германию, и приказал переоборудовать его в плавучий госпиталь. И вот, девять лет спустя, корабль возвратил его, изгнанника, в порт приписки» [Кириллова, 2010, с. 193].

После аннексии Латвии в 1940 г. бывшего белого генерала вызвали на допрос в НКВД, после которого Георгий Гончаренко застрелился¹. Похоронили его в Риге на Покровском кладбище.

Русскоязычным литературоведам из Латвии принадлежит версия о том, что именно Галич является автором знаменитого романа «Поручик Голицын», который когда-то привезла из Парижа Жанна Бичевская.

«Орхидея» была переиздана в Риге в 1927 и 1928 гг. В берлинской газете «Руль» за 1927 г. был опубликован отзыв В. Сирина (Набокова). В небольшой рецензии гумилевские мотивы у Галича были раскритикованы Набоковым, который увидел в них, скорее, раздражившие его бальмонтские и северянинские ноты (впрочем, непосредственно они названы не были): «Раскрыв “Орхидею” (опять “изысканное” название) Юрия Галича наобум, я сразу напал на хорошее стихотворение: “давно, давно, лет шесть тому назад, с берданкою в руке, в поршнях, в кафтане рваном, в пригожий летний день, с рассветом, ранним-рано проселком пахотным идет со мной Игнат”. Прочитав весь сборник, я пожалел, что автор не остановился только на одной теме, на теме о вот таких охотничьих рассветах... Автор посвящает Гумилеву стихи об Африке, но как можно, любя Гумилева и зная его² Африку, писать о “мотивах мимозной поэзы”, об “одеждах солнечных и фейных” и о том, что на озере Чад – “фламинго и львиный галоп”!...» [Сирин, 1927, с. 4]. Не принявший «экзотизмов» Галича Набоков, тем не менее, оценил более «естественные» стихи, созданные в русском бунинском ключе.

А в газете «Шанхайская жизнь» от 7 июня 1921 г. Иона Вочревесущий иронизирует над «экзотическими красотоми» Галича, указывая на ошибки поэта в описании Шанхая:

Было утро, было тихо,
Млели волны Янтсекьянга,
Солнце бледно золотило
Неподвижный Нанкин-Род...

...но поэт упустил из виду, что от волн Янтсекьянга до Нанкин-Род больше тридцати верст и что весьма затруднительно было бы созерцать и Нанкин-Род, и полусонные переулки, и эту почтенную реку [Иона Вочревесущий, 1921, с. 3]³.

Как отмечает Е. О. Кириллова, «стихи Юрия Галича... представляют собой квинтэссенцию символизма и эгофутуризма. Стихотворения “В Полдень”, “В майдень”, “Брызги аметиста. Спектр”, “Луноночью” отмечены влиянием эгофутуриста И. Северянина с его понятием “муаровости”, “трагедии жизни как грезофарсе”. Так, и у Галича “грзотайны шампанской опьяняющий след”, “душа стоцветногранная”, “пурпурные рубины экстаза”, “алмазный день”, “сапфирная улыбка”, “топазный сюжет”, “закат, как яркий хризопрас” и т. д. На многих стихах поэта лежит отпечаток доктрин “Академии эгопоэзии”, организованной в на-

¹ Биографическая справка, в которой почти в художественной форме предложены несколько версий о смерти Ю. Галича, представлена в небольшом предисловии к первому тому изданного в 2012 г. четырехтомного собрания сочинений писателя [Владимиров, 2012, с. 5–18].

² Разрядка автора.

³ Далее Иона Вочревесущий находит еще одну ошибку в «экзотике» Галича: поэт называет «золотыми таэлями» *серебряные* монеты [Иона Вочревесущий, 1921, с. 3].

чале 1912 г. в Петербурге ее лидером И. Северяниным, и такой же эфемерной “Интуитивной ассоциации эгофутуристов”» [Кириллова, 2007, с. 73–74].

«Озеро Чад» Галич посвятил как раз не Гумилеву, как мог бы ожидать читатель, а Бальмонту, и эта адресация вполне соответствует лексике и стилистике текста ⁴:

Лишь завеют пахучие нарды ⁵ –
Уношусь на таинственный Чад.
Там рычат в тростниках леопарды,
Там лиловые птицы кричат.

Там в тенистой мимозовой пуще,
Где мрак синий спокойней и гуще,
Озаренные светом луны,
Спят в траве голубые слоны
(Галич, 1927, с. 88).

«Орхидея» 1921 г. делится условно на мотивы гумилевского плана (морские странствия, африканский и азиатский топос, путешествия по арабской пустыне) и «восточные» мотивы (Индия, Япония, Цейлон, Сингапур). Некоторые тексты имеют следующие подзаголовки:

- морская поэма («Шквал»);
- тропическая поэма («Рикша»);
- сказка цейлонского леса («Иланг-Илали»);
- песня рыбака («На Босфоре»);
- песня («Час любви»);
- поэма пустыни («Али»);
- из мемуаров русской леди («Африканский роман»), который можно было бы назвать «женской» поэмой.

«Тропических» – в плане экзотических экспериментов – рифм в первом издании у Галича нет, рифмы все достаточно обыкновенные, классические. Но вся поэтическая книга переполнена тропическими мотивами. Литературная генеалогия «Орхидеи» (1921) восходит к Гумилеву и отчасти к Бальмонту. Основные гумилевские мотивы и сюжеты, связанные с путешествиями (морскими и африканскими), у Галича представлены ярко, подробно, объемно. Бальмонтовская линия представлена, главным образом, в восточных стихах поэта («Иланг-Илали» из «Орхидеи» 1921 г. и «Сон» из «Орхидеи» 1927 г. напоминают о фее грез). Стихи Галича литературны, они созданы под знаком символистов, акмеистов, эгофутуриста Северянина (кстати, в свои поэтические книги «северянинские» тексты Галич включал минимально, они, в основном, остались в газетах и журналах владивостокской поры), Бунина (ср.: рикша в новелле «Братья»), Лермонтова ⁶.

«В литературных кругах Владивостока за свою привязанность к экзотическим темам Галич вообще получил ироническое прозвище “экзотный”» [Кириллова, 2007, с. 73–74]. Стихи для Галича, по-видимому, были способом уйти в мир грез.

⁴ А вот поэма Галича «Корсар» из рижского сборника посвящена Николаю Гумилеву (Галич, Корсар, 1921, с. 3).

⁵ Здесь и далее стихи Галича цитируются в современной орфографии.

⁶ В неизданной повести омского писателя А. С. Сорокина «Антре шута Бенесто» Галич упоминается как футурист: «Приехали футуристы: Ленский, Гольцшмидт, Галич и другие... Пришли к Антону Сорокину за материалом» (Сорокин, 1922).

Более того, возникает ощущение, что поэт «заигрывается» специально, перебарщивает с комплектом экзотических названий, образов и тем, как будто подшучивая над собой и своей увлеченностью.

Вероятно, обращенность к русской культуре, причем не всегда отстоящей, но близкой, только что прогремевшей, давала силы поэту, генералу жить дальше. В прозе он писал исторические романы и рассказы с воспоминаниями о походах, рефлексией о революции, обо всем, что происходило в России и на Украине на глазах у Галича. Критики и немногочисленные исследователи подчеркивают, что художественные произведения Галича, романы и рассказы – это почти хроники. Там мало выдумки, это, скорее, записи-дневники. Стихи на этом фоне превращаются в поэтические игры, фантазии и сознательные перепевы.

В рижском издании 1927 г. сборник открывается стихотворением «Искатель жемчуга», посвященным Гумилеву.

...скольжу на Замбезе,
В глубине африканской пустыни,
Направляя зулусской пироги
И коварный и зыбкий полет.
И, в мотивах мимозной поэзы,
Открываю иные святыни –
Водопой, где лежат носороги,
Где резвится седой бегемот.

Пусть густы баобабные чащи,
Пусть колючи и цепки мимозы,
Но железной иглой ассегая
Я пронжу изумрудную мглу –
И все чаще, все чаще, все чаще
Уношусь в африканские грезы,
А на солнце глядит, не мигая,
Чернокожий мой спутник – Лулу
(Галич, 1927, с. 1).

Все основные мотивы экзотических стихов Гумилева Галич подчеркнуто отчетливо озвучивает, соединяя ранние опыты поэта-акмеиста, только воображающего себе Африку (от «Носорога» до сборника «Жемчуга»), с его поздними зарисовками из «Шатра» и вольным переводом «Абиссинских песен».

«Орхидея» 1921 г. начинается со стихотворения «Цветы наслажденья», название которого объясняет выбор заглавия самого поэтического сборника и отсылает, конечно, к «Цветам зла» Бодлера:

Есть странные, чудесные цветы!..
Они растут везде, в глухих лесах, на нивах,
В селеньях, в городах, в ущельях прихотливых...

Они хрупки на вид, душисты, молчаливы,
И нежной женскою сверкают красотой.
Когда к ним подойти и пламенной мечтой
В них разбудить любовь и тайные порывы –

Их нужно тотчас рвать, без дум, без сожалений,
Упитаться ядом сил, таящихся в цветке,
И, опьянев от струй, скользящих по руке,
Отбросить в сторону для новых наслаждений
(Галич, 1921, с. 1).

Бодлеровский метафорический контекст почти не используется Галичем, не играет контрастно на изображении цветов и человеческих пороков, однако дополняется отчасти переключкой с гётевскими «Нашел» («Gefunden») и «Дикая роза» («Heidenröslein»). Если в первом стихотворении Гёте любовь и понимание хрупкости бытия, бережное отношение к другому миру и желание героя приблизить беззащитный и неведомый мир к себе оказались благодатной почвой для маленького цветочка, то во втором сорванный цветок передает свою боль губящему его герою, кровь мальчика алеет на шипах погибшей розы. Мир природы разрушен, но также поколеблен и мир человека, который вторгается в чуждое ему пространство.

Примерно такая же декларация слышится и в почти гимне Галича: «яд сил» проникает в душу человека и позволяет ему пережить величайшее наслаждение. Не случайно акцентированы «женская» красота цветка и стремление лирического героя пробудить в нем «любовь и тайные порывы». Очевидная метафора подчеркивает жажду покорения бытия, однако эта жажда сродни опьянению – быстрому, внезапному и преходящему. Будучи отчасти заимствованной у Гумилева, эта тема в лирике Галича преобразуется. Герой Гумилева – покоритель новых земель – слаб перед властью женщины, он готов положить к ногам возлюбленной новые пространства, освоенные им. Галич, губя цветок, с наслаждением принимает его яд.

Посмотрим, как выглядят в «Орхидее» 1921 г. заимствованные из гумилевской лирики морские мотивы и образы. Они связаны с эмигрантским восприятием мира Галичем, романтически влюбленным в Гумилева, но тоскующим по утраченной родине и не способным полностью отдаться счастью странствий. Выделим два таких случая – Летучий Голландец и Одиссей.

Если у Гумилева призрачные корабли и сам Голландец даны под флером недосказанности, намеками, косвенно и подчеркивают загадочность и таинственность образа, то Галич пишет непосредственно о легенде:

Есть старинное поверье:
Иногда, во мгле туманной,
В пляске бури, в плеске шквала,
Сбитой реей шевеля,

Появляется из бездны,
На мгновенье, призрак странный –
Ветхий, старый и разбитый,
Жуткий остов корабля.

Этот призрак – знак несчастья,
Он у многих на примете,
И подчас передается
Моряком из рода в род.

Кто увидел этот призрак –
Не жилец на белом свете,

И таинственная гибель
Ждет его в пучине вод
(Галич, 1921, с. 46).

С одной стороны, читатель видит в этом стихотворении прямую отсылку к Гумилеву – к микроциклу «Капитаны» и сонету «Нас было пять... Мы были капитаны», где судьба героев практически приравнена к судьбе Летучего Голландца. Гумилев создает образы героев, и близких ему по духу, и одновременно враждебных:

И после смерти наши привиденья
Поднялись, как подводные камни,
Как прежде, черной гибелью грозя
Искателям неведомого счастья
(Гумилев, 1998, с. 152).

Однако в стихотворении Галича акцент сделан на самом призрачном корабле, о морях-призраках речи нет, причем принадлежность к мистической легенде обозначена сразу. Увидеть Летучего Голландца – к скорой гибели, и этот пророческий знак передан поэтом лирическому герою. В текстах Гумилева пространство строится вокруг корабля-призрака, капитанов и матросов, но вместо прямого указания на легенду – только намеки и косвенные отсылки:

Сам капитан, скользя над бездною,
За шляпу держится рукою.
Окровавленной, но железною
В штурвал *вцепляется* – другою.

Как смерть, бледны его товарищи,
У всех одна и та же дума.
Так смотрят трупы на пожарище –
Невыразимо и угрюмо
(Гумилев, 1998, с. 156).

Лирический герой Галича видит корабль и поэтому ожидает гибели: «И отныне жалкий призрак / Угрожает смертью мне» (Галич, 1921, с. 46). Но в то же время поэт несколько иронизирует над пафосной легендой: Летучий Голландец выглядит как развалина, это «ржавый, от воды позеленевший, / весь источенный червями / Грязный кузов на волне», «ветхий, старый и разбитый / жуткий остов корабля». Он больше напоминает «Мертвые корабли» Бальмонта⁷ и брошенный «пьяный корабль» Рембо, ставший живым призраком, «плавающим островом» («presque île, ballottant sur mes bords les querelles / Et les fientes d'oiseaux

⁷ Огромный остов корабля
В пустыне Моря быстро мчится,
Как будто где-то есть земля,
К которой жадно он стремится.
За ним, скрипя, среди зыбей
Несутся бешено другие,
И привиденья кораблей
Тревожат области морские
(Бальмонт, 1969, с. 115).

clabaudeurs aux yeux blancs» (Рембо, 1988, с. 180) – «почти остров, раскачивающийся на своем борту дрязги, / Помет птиц-крикунов со светлыми глазами») ⁸.

Поэтому стихотворение Галича создает впечатление, что такой изношенный призрак вряд ли может причинить моряку вред. Трепет перед легендой превращается в легкую насмешку. В «морской поэме» «Шквал» Галич одну из частей тоже посвящает истории о Летучем Голландце. Здесь насмешка не так очевидна, зато у лирического героя откровенно нет страха перед зловещим призраком:

Не Летучий ли Голландец
Появился перед нами
И, сверкнув разбитой мачтой,
Прыгнул в бездну и исчез?
Впрочем, может быть, то призрак,
Призрак, созданный волнами,
Весь туманный, как загадка,
И пронырливый, как бес?
Это призрак, или просто –
Так, игра воображенья,
Плод отравленного мозга,
Утомленного в борьбе –
Мне все это безразлично,
Я приветствую движенье
И, любуясь буйным вихрем,
Предаю себя судьбе...
(Галич, 1921, с. 65).

Ироническое отношение к страшному призраку и литературной традиции его романтизировать, с одной стороны, вводит Юрия Галича в ряд поэтов-маринистов, интересующихся морскими легендами, а с другой – демонстрирует его независимость и свободу от суеверных предсказаний. Военный генерал, переживший мировую и гражданскую войны, эмиграцию, не может всерьез воспринимать детскую страшную историю, вписанную, однако, в каноны фантастической прозы и лирики.

Еще одно стихотворение Галича выделяется в поэтической морской гумилевской традиции. Это «Одиссея» с подзаголовком «Думы на закате», впервые опубликованная в газете «Голос Родины» 1 мая 1920 г. В сборниках название было откорректировано: уже в 1921 г. подзаголовок текста звучал иначе – «Мертвая зыбь» ⁹. Кроме того, изначальные восьмистишия сменили традиционные катрены.

Образ Одиссея для всех эмигрантов – наверное, один из самых знаменательных в мировой литературе, потому что это образ странника, изгнанника, мечтающего вернуться на родину. И текст Галича полностью вписывается в эту концепцию:

⁸ Кстати, Галич тоже использует порой такие грубоватые образы: в одном из африканских стихотворений – «Лунный лик» – есть вполне неэстетическое описание: «Молчит песок, сверкает луч, белеют кости, пятна кала» (Галич, 1921, с. 15).

⁹ В стихотворном «Африканском романе», состоящем из девяти стихотворений (включая «Эпилог»), вторая часть названа «Мертвая зыбь» (Галич, Африканский роман, 1919, с. 1); см. также: (Галич, 1921, с. 18). Но если в «романе» так называется описание штиля героиней, то в «Одиссее» это размышления о судьбе поэта.

Таёт вечер, кроткий и янтарный,
И волну колышет сонный бриз.
Грежу я, и, странник легендарный,
Мнится мне – мифический Улисс.

Как и он, расстался я с Итакой,
И храню прощальный Пенелопы взгляд,
Нектар роз сменив для доли всякой
Много дней, о, много дней назад.

И очаг свой поручив пенатам,
Пятый год блуждаю в дикой тьме,
В мире зла, тревогою объятom,
И с тоской на сердце и в уме.

В час случайный, ускользнув от Сциллы,
Я Харибды вижу мутный мрак,
Тени Парк и злобный смех Сивиллы,
И Циклопа одноглазый зрак.

– О, Калипсо, светлая богиня,
Где ты, нимфа лучезарных вод?
Где твой храм, таинственный и синий,
Целовавший яркий небосвод?
(Галич, 1921, с. 2)

Исторические Сцилла и Харибда сжимают судьбу поэта, как в тисках, Парки, злобная Сивилла и Циклоп угрожают ему, и жизнь видится как бесконечное скитание по чуждым морям и островам. Остров нимфы Калипсо кажется благословенным, но потерянным навсегда, а в финале ждет жутковатая волшебница Цирцея, а не Пенелопа:

И мне кажется, что некая Цирцея
Мне сулит ещё немало бед –
И с тоской мечтаю о конце я,
И гляжу на серебристый след
(Галич, 1921, с. 2).

Мечтает лирический герой о смерти, куда ведет «серебристый след» корабля. Странствия для героя Галича (и, вероятно, самого поэта) не счастье преодоления и узнавания нового, а горечь потерь и разлук. Вторичный подзаголовок стихотворения («Мертвая зыбь») говорит об остановившемся мгновении, но не счастья, а, наоборот, печали и тоски. Как будто муха, застывшая в янтаре, поэт навеки остается в бескрайних просторах моря. Здесь вспоминается бесконечное плавание моряков Летучего Голландца, обреченных скитаться по морям и так никогда не достигших берегов земли.

В трактовке Гумилева судьба Одиссея уподоблена судьбе капитана Летучего Голландца, хотя герой Гумилева совсем не похож на Одиссея Галича. Подобно Летучему Голландцу, Одиссей преодолевает типичные морские испытания, которые превращают его из живого моряка в поэтический миф:

Я борюсь с водоворотами
И клокочущими пенами.

Я трирему с грудью острою
В буре бешеной измучаю,
Но домчусь к родному острову
С грозовою сизой тучею...

...В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами
(Гумилев, 1988, с. 149).

Паллада превращает Одиссея в вечного странника, который ослеплен, как и герои «Капитанов», «наркозами» глубины, Афина его «манит... / С новой кручи в бездну броситься» (Гумилев, 1988, с. 149). Словно капитан призрачного корабля, герой Гумилева играет с водоворотами и пучинами. Богиня, с одной стороны, защищает его от обыкновенной человеческой гибели; с другой – губит, делая почти марионеткой в руках моря. Описывая странствия Одиссея, поэт перечисляет всё самое страшное, что может случиться с моряком. Пережить это почти невозможно, и Гумилев видит вернувшегося к Пенелопе не страстно соскучившегося по дому скитальца, а почти легенду.

Финал микроцикла Гумилева и финал «Одиссея» Галича странным образом перекликаются. Совершенно разные герои, воплощая основные черты своих творцов-поэтов, будучи погруженными в пространство древнегреческой мифологии, в самом главном близки друг другу: они не боятся смерти. Один устал от вечных скитаний, другой считает, что, познав полноту бытия, можно с радостью принять гибель. Так или иначе, сам выбор темы Галичем очень характерен и для его мотивики, и для эмигрантского круга литераторов XX в.

На тему поэмы Гомера у Галича есть еще одно стихотворение, не вошедшее в сборники 1921 и 1927 гг., – «Из Одиссеи. Брошенные камни», опубликованное в журнале «Воскресенье» в 1919 г. Поэт рассказывает о встрече Одиссея с циклопом, частично разделяя точку зрения самого гиганта, а не привычного героя:

На прибрежный выси лоб
Нагружен большой скалою,
Разъярившийся циклоп
Скачет башнею живою...

И, быть может, пожалел
О циклопчестве впервые
Слепгигант, кляня удел...
(Галич, Из Одиссеи, 1919, с. 3)

Сравнение с Голиафом подчеркивает громадность, но в то же время и слабость циклопа, а слепота отнимает у него могущество и власть:

Был слепец он не циклоп!
И не зрел живой мишени,
Оттого Улисса в гроб
Не загнал полет камней.
(Галич, Из Одиссеи, 1919, с. 3)

Брошенные камни становятся аллегорией самого циклопа и его судьбы. Великан сражен хитроумным героем, и вся его кровавая ярость выражается лишь в бессмысленном кидании камней-валунов.

Стилистика стихотворения и любопытная лексика, связанная с образованием новых слов (*слепгигант, циклопчество*), заставляют вспомнить первые силлабические и силлабо-тонические опыты русских поэтов, что возвращает нас в XVII–XVIII вв. Нарочитое и усиленное использование высокой архаики (*зрак, многовесельный неф, око, зреть* и др.), напоминая об эпохе классицизма, одновременно звучит по-футуристически вызывающе и насмешливо. И словообразование, и тяжеловесные конструкции и инверсии создают в тексте эффект нового языка, напоминающего язык 150–200-летней давности, языка, прорвавшегося сквозь времена. Это, конечно, не прямое подражание Хлебникову и Бурлюку или непременно следование традициям авангарда, но свой опыт футуризма, когда античная тема представляется поистине «древней» и архаичной.

Помимо морской тематики в «Орхидее» Галича, можно отметить многократное обыгрывание африканских мотивов и образов. Африка воспринимается по-этом в духе раннего Гумилева, мечтающего об экзотических путешествиях. Вместе с тем реминисцентный слой захватывает больше «Шатер», и кажется, что далекая страна для Галича полностью исследована Гумилевым, и его поэтические шаги идут след в след:

Далеких стран таинственные зовы
Влекут меня к себе тревожной красотой –
И этот блеск воды, молочно-бирюзовый,
И неба яркий плащ, горячий и густой.

Не сказкой ли сейчас мне кажется чудесной
Высоких строгих пальм чеканный силуэт,
Песок немых пустынь и дали неизвестной,
И на песке немом забытый кем-то след?

О, да!.. В душе растет и ширится сознание,
Что это лишь обман и призрачный мираж,
Что это только сон, мечта, воспоминание –
Гляжу в немую даль и прячу карандаш.

«Африка»

(Галич, 1921, с. 14)

В стихотворении Галича «Африка» возникает пространство неведомой страны – райской, запредельной («блеск воды, молочно-бирюзовый, / И неба яркий плащ»), рожденной воображением поэта. Она появляется в мечтах и в мечтах же остается (подобно тому, как в гумилевском «Жирафе» кольцевая композиция означает поворот финала к началу, поскольку все живописные картины, перечисляемые лирическим героем, – не более чем грезы): «это лишь обман и призрачный мираж». Такой ход использовал Бодлер в знаменитом «Приглашении к путешествию» («L'invitation au voyage»): путешествия как такового здесь нет вовсе; voyage – это процесс мечты, способ соскользнуть из реальности в необыкновенный мир. Этот же прием мы встречаем в «Сентиментальном путешествии» Гумилева, который пишет свой текст на фоне бодлеровского.

«Песок немых пустынь» в «Африке» Галича апеллирует к «Сахару» Гумилева, где подчеркивается значение слова «пустыня»:

Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце, да ветер
(Гумилев, 1988, с. 287).

Вероятно, «забытый след», о котором пишет Галич, в его воображении и есть след Гумилева, след поэта, одушевившего пустыню и увидевшего ее похожей на «золотой океан».

Восточный топос в сборнике Галича 1921 г. представлен не так подробно, как морской и африканский. Однако ряд «тропических» стихотворений вписывается в пространство Индии, Цейлона, Сингапура, хотя надо отметить, что пространство это условное, воображаемое, изобилующее традиционными деталями, используемыми, например, символистами. «Иланг-Илали», «Кики-Сан» и «Ночь в Сингапуре», созданные в русле поэтики Бальмонта, погружают читателя в мир грез, рамками которых служит экзотический фон. Галич вводит характерные для подобных описаний образы («малютка фея», «фея грез», «волшебный и дикий лес», «вишневый... стыдливый сад» / «волшебный буйный сад»), характеризует любовное состояние лирического героя через перечень цветов («серебристые лилии», «хризантемы», «душистый лотос»).

Вслед за Бальмонтом – любителем звукописи – Галич обильно применяет ассонансы и аллитерации, к примеру, достаточно частотным является аллитерирование на *к – с – з* или *г / к – т – с*:

... Я живу, как в сказке, в сказке или в были –
Не забыть мне крошку, крошку Кики-Сан...
В час, когда зажгутся звезды в небе синем,
Я приду в вишневый, в твой стыдливый сад...
(Галич, 1921, с. 72)

... Минула сказка, и в дни печали
Таится в сердце немой вопрос:
О, где ты, где ты, Иланг-Илали,
Душистый лотос и фея грез?
(Галич, 1921, с. 54)

В первом случае само имя героини Кики-Сан складывается из звуков слова «сказка» (или наоборот: звучание японского имени рождает сказку).

Создание «страны чудес» Галичем напоминает «Фейные сказки» Бальмонта и всю «тропическую» линию, столь популярную у поэтов и художников Серебряного века. Фоном для «тропических» стихов Галича становятся «На журчащей Годавери» Брюсова, гумилевский перевод «Малайских пантунов» Леконта де Лилля, экзотические картины Гогена и Матисса. В этом чувствуется легкая игра между подражанием и пародией, когда свободное владение стилем переводит текст на другой уровень – почти незаметно, почти без иронии, а только с намеком на нее. Вновь ожившие бальмонтские феи, «упругие ароматы» и «нежные цветогемы» превращают мир «Орхидеи» в клонированное пространство символизма и эгофутуризма.

Небольшая баллада Галича «Рикша» отсылает в первую очередь к бунинским «Братьям», где описана трагическая любовь молодого рикши. Вероятно, новелла Бунина привлекла поэта не только самим так называемым «цейлонским» сюжетом, но и «эпилогом», в котором, казалось бы, второстепенный (фондовый) герой

рассуждает о природе человеческих амбиций – о бесконечной жажде завоеваний, не подкрепляемой необходимостью осмысления мира. Англичанин спорит с капитаном «о колониальных задачах Европы, о японцах, о будущем Дальнего Востока» (Бунин, 2006, с. 43).

Несомненно, Галич вслед за Буниным интересовался философией «тропического» топоса, размышлял о сложной связи и непохожести Востока и Запада, о покорении мира и его разрушении. Человек, идущий «куда-то в тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокруг» (Бунин, 2006, с. 44), – безумец. Освоение бескрайнего океана, возможность влиять на судьбы Индии – Явы и Цейлона, Японии, Китая, Египта демонстрирует в первую очередь не силу и власть человека, а его слепоту (герой Бунина сравнивает людей с кротами: «разум наш так же слаб, как разум крота, или, пожалуй, еще слабей, потому что у крота, у зверя, у дикаря хоть инстинкт сохранился, а у нас, у европейцев, он выродился, вырождается!» (Бунин, 2006, с. 44)).

Галич оставляет за скобками просвещенное мнение англичанина из «Братьев», безусловно, ставшее основным подтекстом его произведения, а в центр баллады помещает рикшу – «совершенство», «выкованного из стали» красавца Мунгали. Несчастная любовь, как и в новелле Бунина, побуждает веселого и страстного Мунгали сброситься со скалы вместе с отвергнувшей его «бледной Ирваной». Легкость строк (трехстопный хорей почти отсылает к балладам XVIII в.) и краткость незамысловатой истории (в отличие от настоящей страсти – «солнечного удара», пронзившего рикшу у Бунина), впрочем, намекающей на романтический конфликт (Ирвана – чуть ли не «европейка», она «бледная», не такая, как герой), создают почти комический эффект, который, однако, усложняется еще одной отсылкой к русской классике – к балладе Некрасова «Извозчик».

Все три сюжета посвящены неразделенной любви героев – рикш / извозчиков. Для Бунина это возможность показать, что в юношу вошла любовь, «как скорпион в свое гнездо», что европейцы и колонизируемые ими дикари – братья, что «все страдания этого мира, где каждый либо убийца, либо убиваемый, все скорби и жалобы его – от любви» (Бунин, 2006, с. 30). Некрасов играет с темой греха и невозможности отступления от него, демонстрируя в форме баллады, как дьявольское искушение не обошло стороной влюбленного извозчика. Рикша Галича живет по законам Будды, именно таким он видит этот мир («Будда так желает!» (Галич, 1921, с. 55)). И по «велению» Будды Мунгали «кинулся с разбега / В голубые волны» (Галич, 1921, с. 57). Обыгрывая сюжеты Бунина и Некрасова, Галич предлагает свою трактовку, оставляя за сценой весь трагизм человеческой агрессии, бесконечного одиночества и тайной тяги к пороку. Его герой – светел и прост, он не переживает многогранность страсти, полагается на Будду, доверяя ему свои желания, тем самым залечивая (пусть даже смертью) любовные раны.

Стихотворение Галича «Солнце Востока» можно назвать одой Японии. Текст разделен на восемь¹⁰ частей, в каждой из которых два катрена с перекрестной рифмовкой. Это, конечно, не одическая строфа, но, безусловно, поэт специально утяжеляет членение, подчеркивая торжественность стиля. И шестистопный ямб с цезурой служат этой цели: стихи звучат медлительно, отчетливо, гордо. «Песнопение», как формулирует сам Галич, рассказывает о чудесной стране, «как миф, / Как сказка, как глава волшебного романа» (Галич, 1921, с. 68). Восхищенный

¹⁰ В издании 1927 г. «Солнце Востока» сокращено: вместо восьми Галич оставил лишь шесть частей.

Японией, поэт воспеваает красоту ее природы («восходящий луч встает из океана... / негой брызжет день, сверкая, как опал» (Галич, 1921, с. 68)), «предков гордый дух» (Галич, 1921, с. 71), прекрасных женщин («девушки твои – душистый вечер мая» (Галич, 1921, с. 70)), сильных и достойных мужчин («каждый гражданин рожден быть самураем» (Галич, 1921, с. 71)) и очаровательных малышей – «мотыльках, проворных и живых» (Галич, 1921, с. 70). Для Галича Япония оказывается страной мечты, покорившей его, поэтому «Солнце Востока» звучит как гимн:

В скитаньях жгучих дней я посетил страну,
Где счастьем дышит все и веет светлым раем...
(Галич, 1921, с. 68)

Среди разных восточных стран поэт выбирает Японию, воплотившую для него всё лучшее и любимое душой («Есть вещи под луной, / Которые порой лишь сердцем я объемлю» (Галич, 1921, с. 71)).

Поэтическое творчество Юрия Галича не столь обширно и разнообразно, как прозаическое, но увлеченность приключениями и путешествиями, морскими странствиями и освоением восточных и африканских стран оказалась близкой интересам Гумилева, и без того горячо любимого эмигрантами. Кроме того, военное прошлое и трагическая гибель Гумилева не могли оставить Гончаренко равнодушным. Вероятно, генерал чувствовал себя идущим за смелым акмеистом – путешественником и воином, хотел продолжить его «дело» в стихах. Отсюда, может быть, слишком прямолинейная подражательность, близкая копированию (как, например, в поэме «Корсар», очень ориентированной на «Капитанов»). А контаминация с эгофутуризмом и приемами Бальмонта, с одной стороны, подчеркнула тягу Галича к раннему Гумилеву, активно использовавшему «красивости» и излишнюю вычурность лексики, с другой – выявила иронический оттенок, под которым подавались чрезмерно «экзотические» стихи.

«Литература восточной ветви, существуя достаточно автономно, была ориентирована как на западную эмигрантскую культуру, так и на русские неэмигрантские контексты и не только воспринимала их традиции, но и сама активно влияла на них» [Абрамова и др., 2022, с. 103]. Зависимость поэзии и прозы восточной линии от выбранного писателями топоса обогатила литературу XX в. новыми оттенками (вплоть до свежих экзотических мотивов), и в то же время эта связь традиций демонстрирует, как Серебряный век охватил своим влиянием и эмигрантский Запад, и эмигрантский Восток.

Список литературы

Абрамова К. В., Капинос Е. В., Силантьев И. В. Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Владимиров И. Закончить свою жизнь в Риге // Галич Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.: Кн. клуб «Книгобек», Б-ка «Огонек», 2012. Т. 1. С. 5–18.

Иона Вочревесуций. Экзотические красоты // Шанхайская жизнь. 1921. № 486, 7 июня. С. 3.

Кириллова Е. О. Русская футуристическая поэзия на Дальнем Востоке 1917–1922 гг.: идейно-художественные искания, поэтические имена. Владивосток, 2007. 258 с.

Кириллова Е. О. «Туда, где штормы и туман...»: белый генерал дальневосточной поэзии Юрий Иванович Галич // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры / Под ред. Ли Си-мэй, Д. И. Воронина. Тайбэй, 2010. Вып. 11. С. 187–206.

Сирин В. Новые поэты // Руль. 1927. № 2053, 31 авг. С. 4.

Список источников

Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.

Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 4: Воды многие (1914–1926). 536 с.

Галич Ю. Африканский роман // Воскресенье. Владивосток. 1919. № 1, 9 нояб. С. 1.

Галич Ю. Из Одиссеи. Брошенные камни // Воскресенье. Владивосток. 1919. № 6, 14 дек. С. 1.

Галич Ю. Одиссея. Думы на закате // Голос Родины. 1920. 1 мая. № 177. С. 4.

Галич Ю. Корсар // Голос Родины. 1921. № 695, 15 дек. С. 3.

Галич Ю. Орхидея. Тропические рифмы. Владивосток: Тип. Иосифа Коротя, 1921. 74 с.

Галич Ю. Орхидея: Стихи. Рига: Тип. А. Нитавского, 1927. 190 с.

Галич Ю. Орхидея. Тропические рифмы. Рига, 1928.

Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 1998. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). 502 с.

Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе: Сб.: на фр. яз. с параллельным рус. текстом. М.: Радуга, 1988. 544 с.

Сорокин А. [Цирковые] антре шута Бенцо. Автограф // ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 547. Л. 1–58.

References

Abramova K. V., Kapinos E. V., Silantev I. V. Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space of Literary Transfer. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Vladimirov I. Zakonchit' svoyu zhizn' v Rige [End your life in Riga]. Galich Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 vols.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Kn. klub "Knigovek", B-ka "Ogonek", 2012, vol. 1, pp. 5–18.

Iona Vochrevesushchiy. Ekzoticheskie krasoty [Exotic beauties]. *Shankhayskaya zhizn'* [Shanghai life], 1921, June 7, no. 486, p. 3.

Kirillova E. O. *Russkaya futuristicheskaya poeziya na Dal'nem Vostoke 1917–1922 gg.: ideyno-khudozhestvennye iskaniya, poeticheskie imena* [Russian futuristic poetry in the Far East 1917–1922: ideological and artistic searches, poetic names]. Vladivostok, 2007. 258 p.

Kirillova E. O. “Tuda, gde shtormy i tuman...”: belyy general dal'nevostochnoy poezii Yuri Ivanovich Galich [“Where Storms and Fog...”: White General of Far Eastern Poetry Yuri Ivanovich Galich]. *Problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: Vestnik fakul'teta russkogo yazyka i literatury Universiteta kitayskoy kul'tury* [Problems of Studying and Teaching Russian Language and Literature: Bulletin of the Faculty of Russian Language and Literature of the University of Chinese Culture]. Vol. 11. Ed. by Li Simey, D. I. Voronina. Taybey, 2010, pp. 187–206.

Sirin V. Novye poety [New poets]. *Rul'* [Steering wheel], 1927, no. 2053, August 31, p. 4.

List of sources

Bal'mont K. D. *Stikhotvoreniya* [Poems]. VI. Orlov (Introd. art., comp., text prep. and notes). Leningrad, Sov. pisatel', 1969, 712 p.

Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete collected works: In 13 vols.]. Moscow, Voskresen'e, 2006. vol. 4: Vody mnogie [Many waters] (1914–1926). 536 p.

Galich Yu. Afrikanskiy roman [African novel]. *Voskresen'e*. Vladivostok. 1919, no. 1, November 9, p. 1.

Galich Yu. Odisei. Broshennye kamni [Thrown stones]. *Voskresen'e*. Vladivostok. 1919, no. 6, December 14, p. 1.

Galich Yu. Korsar [Corsair]. *Golos Rodiny*. 1921, no. 695, December 15, p. 3.

Galich Yu. Odissey. Dumy na zakate [Thoughts at sunset]. *Golos Rodiny*. 1920. May 1, no. 177, p. 4.

Galich Yu. *Orkhideya: Stikhi* [Orchid: Poems]. Riga, Tip. A. Nitavskogo, 1927, 190 p.

Galich Yu. *Orkhideya. Tropicheskie rifmy* [Orchid. Tropical rhymes]. Vladivostok, Tip. Iosifa Korotya, 1921, 74 p.

Galich Yu. *Orkhideya. Tropicheskie rifmy* [Orchid. Tropical rhymes]. Riga, 1928.

Gumilev N. S. *Poln. sobr. soch.: V 10 t.* [Complete collected works: In 10 vols.]. Moscow, Voskresen'e, 1998. vol. 1: Stikhotvoreniya. Poemy [Verses and poems] (1902–1910). 502 p.

Gumilev N. S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1988, 632 p.

Rimbaud A. *Poeticheskie proizvedeniya v stikhakh i proze: Sb.: na fr. yaz. s parallel'nym rus. Tekstom* [Poetic works in verse and prose: Collected works in French with parallel Russian text]. Moscow, Raduga, 1988, 544 p.

Sorokin A. Tsirkovye antre shuta Benetso. Avtograf [Circus entrements of the Jester Benetso. Autograph]. In: *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti* [State Historical Archive of the Omsk region]. Fund 1073, Inventory 1, Item Number 547, Sheets 1–58.

Информация об авторе

Елена Юрьевна Куликова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

WoS Researcher ID K-6809-2017

RSCI Author ID 624464

Information about the author

Elena Yu. Kulikova, Doctor of Philology, Leading Researcher, Sector of Literary Criticism, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6809-2017
RSCI Author ID 624464

*Статья поступила в редакцию 02.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 10.07.2023
The article was submitted on 02.07.2023;
approved after reviewing on 10.07.2023; accepted for publication on 10.07.2023*